

Оглавление

Европейский шовинизм	5
Причины русофобии.....	8
Религиозные корни русофобии	19
Яновщина	35
Русские о Западе	55
Игорь Шафаревич о разложении Запада.....	70
Угрозы глобализации	74
Объективные глобальные процессы	74
Экспансия передового меньшинства планеты	78
Глобалистская и антиглобалистская идеология	83
Проблемы плацдарма глобализации	84
Демографический взрыв	87
Социальные катаклизмы	88
Размывание государств и столкновение цивилизаций	89
Экспансия массовой культуры	90
Экологические угрозы	92
Экономическая дезинтеграция	93
Информационное отчуждение и зомбирование	97
Научное разрушение человеческого вида.....	101
Ускорение и сверхусложнение темпов цивилизации	108
Глобальная альтернатива глобализации	110
Идеология гражданской войны	113
Психология гражданской войны	116
Тыловая русофобия.....	118
Русофобская миграционная политика.....	121
Горизонты победы.....	125
Залог победы	127
Пора показать «Кузькину мать»	130

Катастрофическое нарожение новой цивилизации	132
Право и справедливость в русской традиции	138
Европейское право и русская правда	141
Идеология победы	144
Русская цивилизация подвига и труда	147
Жёсткие формы общежития	150
Образы обновлённой России	153
Послесмутие	156
Национальные идеалы	159
Актуальность исторических формул	161
Ресурсы русского прорыва	163
Русская пассионарность	166
Большая душа большого народа	168
Россия либо империя, либо колония	170
Мировое бедствие	172
Борьба за новый миропорядок	174
Грядущий образ цивилизации	176
О грядущей государственности России	179
Введение	179
Пороки парламентской партийной демократии	183
Самодержавие как искажение русской монархии	184
Достоинства наследственной монархии	189
Общественное самоуправление	192
Народная монархия	194
Образы будущего государственного устройства	196
Государь Владимир Путин	206

Европейский шовинизм

На шовинизме основаны западная цивилизация, культура, история и даже научно-техническая революция — планетарная технологическая экспансия («Знание — сила» — Бэкон).

Погубившие Римскую империю варварские племена ощутили себя на её развалинах лучшими в мире, владеющими самой совершенной культурой, унаследовав отношение к другим народам как варварам, то есть неполноценным людям или даже нелюдям. Поэтому они стремились господствовать над другими народами, которые должны принять их веру, язык и культуру, либо быть уничтоженными. Это и есть **шовинистическое самощущение**, которое было доминантой романо-германской экспансии. Будучи генетическими шовинистами, европейцы во всем мире насаждали космополитическое мировоззрение, отрицающее другие национальные культуры. Европейские ценности навязывались в качестве *«общечеловеческой цивилизации»*, а не примкнувшие к *«цивилизованному человечеству»* народы истреблялись либо порабощались.

Европейская экспансия началась в XII веке крестовыми походами с идеей сакрализованного насилия: насаждения римской веры и господства. В четвёртом крестовом походе в XIII веке захватывается Константинополь с дичайшим насилием, в том числе против женщин и детей. Византийские хроники свидетельствуют о запредельном ужасе греков при столкновении с западными «единоверцами»: *«сарацины более милосердны и добродетельнее крестоносцев»*, которые считали греков нехристианами, поэтому *«убивать их меньше, чем ничто»*. С тех пор **западная экспансия оправдывается расчеловечением её жертв**. Ограбление самого большого и культурного в мире города привело к падению Византийской империи, а также «Венецианскому Возрождению» на

основе «первоначального накопления капитала»: ограбленных культурных богатств и творческого потенциала византийских беженцев. Так формировались зачатки западных идеологий от колониализма до коммунизма и нацизма.

После падения Византии **Рим обратил «крестоносительную» экспансию на православные народы восточной Европы**, называемых в папских буллах *«якобы христианами, пособниками сатаны, вера которых ведёт к вечной погибели»*. Огромность и богатства России издавна соблазняли европейцев. Культурное и религиозное различие вызывали приступы ненависти. Также не могла Европа смириться и с укором своему самолюбию. Ибо в отличие от других народов, заразившихся вирусом европейского шовинизма, в Руси-России никогда его не было. При формировании самого большого в истории русского государства невозможно представить феномен «скальпов», когда власть платила за геноцид аборигенов. Более того, все народы России сохранились и приумножили свою культуру вплоть до 1917 года.

Европейская экспансия уничтожала и порабощала на всех материках всех, кроме русских. Основан многовековой **«натиск на Восток»** на неприемлемой для Европы несокрушимости России и непобедимости русского народа. Не могла шовинистическая Европа терпеть по соседству вековечный вызов. В XVI веке на появление мощной русской государственности Европа отреагировала антирусской пропагандой. Историк Алексей Лаушкин приводит набор русофобских тезисов, которые множились европейскими печатными станками: *«русские — схизматики, варвары, дикари, рабы по природе, их страна азиатская и тартарская (тартар — это ад), с невежеством, творческим бесплодием, тиранией власти, русские лживы и трусливы, агрессивны, в том числе по отношению к женщинам и детям, пьяницы, приговорены к послушанию европейцев, их самостоятельное поведение возмутительно...»*

Формируется образ России как анти-Европы, значит антимира. С тех пор русофобия становится константой европейской культуры, а европейская история во многом определяется стремлением к уничтожению России и русского народа. Ныне жало русофобии явлено англосаксами, готовыми ради окончательного сокрушения русской цивилизации пожертвовать не только Восточной, но и Западной Европой. Забывают, что русский народ всегда выходил из всех катастроф и войн более сильным.

Причины русофобии

Русофобия коренится в природе западной цивилизации. Православная Россия с её духовным потенциалом и богатейшими природными ресурсами оказалась инородным явлением в мировой потребительской цивилизации, созданной западноевропейцами. Люди склонны не понимать то, что не хотят понять, закрывают глаза на то, чего не хотят видеть, опасаются того, кто непонятен, чужд, сильнее. Русская цивилизация являет собой иной тип христианской цивилизации, в этом смысле «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой» (А. С. Пушкин). Но инаковость России в общехристианском мире западноевропейцы не способны понять. «Западная Европа не знает России. Но неизвестное всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по естественным богатствам огромна. **Огромное неизвестное переживается всегда как суцья опасность...** Что, если этот нависающий с востока массив двинется на запад?.. Россия — это загадочная, полуварварская “пустота”; её надо “евангелизировать”, или обратиться в католичество, “колонизировать” (буквально) и цивилизовать; в случае нужды её можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей... А впрочем, её необходимо всячески ослаблять. Как? Вовлечением её в невыгодный момент в разорительные для неё войны; недопущением её к свободным морям; если можно — то расчленением её на мелкие государства; если возможно, то сокращением её народонаселения... если возможно, то насаждением в ней революций и гражданских войн, а затем — внедрением в Россию международной “закулисы”, упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западноевропейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией, неустанным обличением её мнимого “империализма”, её мнимой “реакционности”, её “некультурности” и “агрессивности» (И. А. Ильин).

Европа ожидала от России того, что в аналогичных обстоятельствах совершала сама. Поскольку Россия поступала

противоположным образом, то вызывала непонимание и раздражение: *«Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»* (А. С. Пушкин). Русский народ **всегда** насмерть защищал свои земли от агрессии и **нередко** после победы не присоединял чужих земель. В Европе, напротив, иногда с энтузиазмом отдавались иноземному господству (как «прогрессивному» наполеоновскому), и **неизменно** война заканчивалась присоединением территорий противника. Русь преградила дорогу в Европу татаро-монгольскому нашествию, Европа никогда не помогала России защищаться, напротив, ударила в спину в годы страшного ига. Русские в отличие от европейцев не уничтожали, не порабощали и не грабили завоеванные народы. Россия практически не вела завоевательных войн на Западе, Европа же из века в век стремилась к захвату русских земель. **«Натиск на Восток»** («Дранг нах Остен») — это тысячелетняя религиозная и светская экспансия на Россию. По благословению папы в XIV веке создаётся Ливонский орден крестоносцев, а Тевтонский орден переводится из Палестины в Прибалтику, — вместе со шведами они идут «крестить» Русь в момент её смертельной борьбы с татаро-монголами. *«Тогда шведы, датчане и немцы вторглись с Балтийского моря на русские земли, основали Ригу и Ревель, добрались до Пскова и Новгорода. Таков был ответ на настоятельные просьбы, с которыми русские обращались к христианскому Западу, чтобы тот помог им отразить натиск язычников-татар»* (В. Шубарт).

«Романо-германские народы... постоянно осуществляли натиск на Восток, пределом этого натиска искусственно избрали Уральский хребет. Когда же стало ясно, что завоевание “Восточной Европы” неосуществимо, завоеватели перенесли агрессию за океаны: в Америку, Австралию и Южную Африку» (Л. Н. Гумилев). Католическая Польша, как форпост Западной Европы, воевала с Русью несколько столетий. В Смутное время XVII века Польское королевство, превосходящее Московское государство по численности

населения и военному потенциалу, стремилось уничтожить русскую государственность, значительно расширило свои границы на Востоке за счёт древних русских земель. В новейшее время мессия европейской экспансии напомнил о приоритетах: *«Мы остановим вечное стремление германцев на Юг и на Запад Европы и обратим свой взор к большой стране на Востоке»* (Гитлер А. Майн кампф. 1915).

Есть мнение, что натиск на Восток объясняется естественным стремлением густонаселенной Западной Европы осваивать малонаселенные восточные просторы. Но западноевропейское пространство потому и оказалось густо населено, что климатически и геополитически благоприятно для развития цивилизации. Холодные, малоплодородные и труднодоступные для мировых торговых путей земли среднерусской равнины вряд ли были привлекательны для западноевропейцев. Их неудержимо тянуло на Восток стремление покорить («цивилизовать») чуждую и пугающую русскую цивилизацию. *«Европа не признаёт нас своими, она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе такое, что не может ей служить простым материалом, который можно было бы формировать и отделявать по образу своему и подобию. Как ни рыхл, ни мягок оказался верхний, выветрившийся слой, всё же Европа понимает, или, точнее сказать, интуитивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твёрдое ядро, которое не растолочь, не расколотить, не растворить и, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, превратить в свою плоть и кровь, которое имеет силу и притязание жить своей самобытной, независимой жизнью»* (Н. Я. Данилевский). Ни на что не похожая Россия была непонятной и пугающей для европейцев, которые пытались переделать азиатского колосса по собственному образцу или, на худой конец, избавиться от него. *«Западные народы не разумеют и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый*

российский “веник” на “прутики”, переломать эти прутки поодиночке и разжечь ими меркнувший огонь своей цивилизации» (И. А. Ильин).

Н. Я. Данилевский утверждал, что народам романо-германского типа свойствен гипертрофированный **индивидуализм**, выражающийся по отношению к другим народам в «**насильственности**»: «Насильственность есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему. Такое навязывание своего образа мыслей другим, такое подчинение всего своему интересу даже не кажется, с точки зрения чрезмерно развитого индивидуализма, чрезмерного чувства собственного достоинства, чем-либо несправедливым. Оно представляется как естественное подчинение низшего высшему, в некотором смысле даже как благодеяние этому низшему. Такой склад ума, чувства и воли ведёт в политике и в общественной жизни, смотря по обстоятельствам, к аристократизму, к угнетению народностей или к безграничной, ничем не умеряемой свободе, к крайнему политическому дроблению; в религии — к нетерпимости или к отвержению всякого авторитета. Конечно, он имеет и хорошие стороны, составляет основу настойчивого образа действия, крепкой защиты своих прав и т. д.»

Западноевропейская *насильственность* в течение веков проявлялась в религиозной, колониальной и политической сферах. При этом высокомерные европейцы только себя считают единственно просвещёнными и цивилизованными, о других народах судят с позиций **европоцентризма**. «Общий **романо-германский шовинизм** — наивно именуется “космополитизмом”... Затаённой мечтой всякого европейца является полное обезличение всех народов земного шара, разрушение всех своеобразных... обликов и культур, кроме одной, европейской, которая — желает прослыть общечеловеческой» (Н. С. Трубецкой). Всё инородное либо насильственно переделывалось по собственному образцу, либо вымарывалось

из разряда общечеловеческого и потому с легким сердцем порабощалось или уничтожалось. «Для Запада различие этносов состоит в степени цивилизованности, средний западный человек часто говорит о недоразвитости, в смысле недостаточной цивилизованности, русских. Вывод — миссия Запада состоит в принудительной цивилизации других народов, что выливается в их алгоритмизацию и уничтожение тех, кто этого не хочет. В этом состоит коренное отличие от русского мышления, легко принимающего глубокие отличия других окружающих народов. Поэтому Россия и расширялась без унификации. Вернее, унификация была достаточно поверхностной, сохраняя глубинную психологию каждого народа» (В. А. Малышев). **Европоцентричное сознание** принципиально **нетерпимо к иноприродному** (что не изменилось с господством индифферентного позитивизма, а затем «толерантности»). Вместе с тем европеец болезненно восприимчив к моральному вменению извне. Огромное иноприродное явление под боком — Россия была живым укором Европе.

Европейцы более снисходительны к своим недостаткам и порокам. О русском нравственном самосознании писал Ф. М. Достоевский: «Пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нём неоспоримо: это именно то, что он, в своём целом, по крайней мере (и не в идеале только, а в самой заправской действительности) никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду!» Большинство злодеяний в Европе оказывались оправданными уже современниками. Терпимость европейцев к своим грехам объясняется в том числе доминированием правового чувства: совесть молчит, когда по «закону» можно вешать бродяг при Генрихе VIII или отправлять на гильотину детей в годы Великой французской революции¹. Для русских закон не самоценен, нравственное чувство и идеалы выше формального закона. Царь

¹ В некоммунистической России невозможно представить, чтобы кровавая революция почиталась в качестве общенационального праздника.

Иоанн IV именуется Грозным и считается тираном из-за бесчинств опричнины и развязанного им террора, хотя масштабы его кровопролития были несравнимы с тем, что творилось тогда в Европе, а государственная идеология того времени трактовала волеизъявление царя как единственный источник законности. Грозный через несколько лет покаялся в своих преступлениях и передал в монастыри огромные деньги для вечного поминовения невинноубиенных. Подобные муки совести невозможно представить в европейской истории.

Русские несколько столетий выглядят в Европе своего рода инопланетянами, которые никого там не завоевывают, стремятся отстоять свою самобытность, чем вызывают подозрения, кажутся опасными. В том, что Россия чужда и враждебна Западной Европе, единодушны либералы и радикальные революционеры. В XIX веке популярной была книжка французского маркиза де Кюстина, являющаяся **апофеозом русофобии**. Поездив по России, маркиз увидел только то, что русские *«опьянены рабством до потери сознания... честолюбивы, самодовольны, хвастливы... не оригинальны, ибо лишены творческих дарований и природного ума... хитры и ленивы, способны трудиться только за высокое вознаграждение, а не так, как в Европе — для блага других... трусливы, и если они бесстрашны в бою, то только потому, что по невежеству своему верят обману начальства, что, погибнув, через три дня воскреснут и окажутся дома... Народ живёт в вечном страхе; и всем в России и всегда правит страх... Русские лживы и коварны, ибо все их достоинства на самом деле есть результат притворства и обмана... Все вежливы друг с другом, но здесь вежливость есть не что иное, как искусство взаимно скрывать тот двойной страх, который каждый испытывает и внушает... Прославленное гостеприимство московитов тоже превратилось в чрезвычайно тонкую политику, она состоит в том, чтобы как можно больше угодить гостям, затратив как можно меньше искренности»*. Из такого объяснения природы этого «татарского» народа следует основной вывод де Кюстина: *«Здесь всё нужно*

разрушить и заново создать народ». Примерно в то же время К. Маркс писал: «Не в суровом героизме норманнской эпохи, а в кровавой трясине монгольского рабства зародилась Москва. А современная Россия является не чем иным, как преобразованной Москвой... Ненависть к русским была и продолжает ещё быть для немцев их первой революционной страстью».

Для русских характерна терпимость к другим, без чего невозможно было выжить с множеством народов на суровых просторах Евразии. Уважая иноприродность, русский народ во все века защищал свою самобытность: *«Несмотря на многовековые попытки “внедрения”, на тесное общение и взаимовлияние, наша культура не влилась и не вливается органически в западноевропейскую, представляя собой как бы “особое мнение” по вопросу о человеке и его месте в мире... Наша культура исходит из **другого представления о мире и месте человека в нём**. И потому (а не по причине незнания, неумения или неразвитости) она задаёт другую модель поведения»* (К. Касьянова).

Многие политические реалии в России были далеки от идеала, но они в лучшую сторону отличались от беспринципной европейской политики. Даже утилитарист Пётр I требовал от своих дипломатов заключать такие договоры, которые Россия могла бы выполнить, так как этого требует *«гонор пароля»* (честь слова), что никогда не волновало европейских политиков. Когда русские корабли первыми из христианского мира прибыли на Японские острова, им не удалось заключить никаких договоров, ибо в качестве условий японцы потребовали *порушения Христа*, на что православные пойти не могли. На это согласились голландцы, которые на некоторое время монополизировали отношения с Японией. Всё это говорит о *«любовном, а не завоевательном начале государства нашего»* (Ф. М. Достоевский), о том, что действия России на международной арене нередко мотивировались моральными, а не только утилитарными соображениями, что на Западе казалось уродливым юродством. *«Все понятия нравственные*

и цели русских — выше европейского мира. У нас больше непосредственной и благородной веры в добро как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте» (Ф. М. Достоевский). Русские нередко вели себя с чужими корректнее, чем со своими. Европейцы же блюли порядочность среди своих — «цивилизованных», а по отношению к «варварам» они выказывали верх беспринципности, вероломства, жестокости. В результате поведение России является для западноевропейцев причиной нравственного дискомфорта, который вызывает агрессию.

Пугает Запад и русский **мессианиззм**, хотя он не стимулировал агрессию или экспансионизм, а был преимущественно религиозным, — установкой на защиту и несение правой веры. Немецкий философ Вальтер Шубарт это понимал: *«Россия не стремится ни к завоеванию Запада, ни к обогащению за его счёт — она хочет его спасти. Русская душа ощущает себя наиболее счастливой в состоянии самоотдачи и жертвенности. Она стремится ко всеобщей целостности, к живому воплощению идеи о всечеловечности. Она переливается через край — на Запад. Поскольку она хочет целостности, она хочет и его. Она не ищет в нём дополнения к себе, а расточает себя, она намерена не брать, а давать. Она настроена по-мессиански»*. Русская духовность ориентирует на универсальные вопросы бытия, западная — на партикулярные проблемы и частные эгоистические интересы. Это раздражало западного человека и подвигало переделать русских по своему образу.

«Они ни за что и никогда не поверят, что мы воистину можем участвовать вместе с ними и наравне с ними в дальнейших судьбах их цивилизации. Они признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами. Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несём вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина! И это несмотря на то, что наши “русские европейцы” из всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может,

что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать, что дело тем и кончится, что мы всё будем подражать и что мы вовсе не азиаты, не варвары, а совсем, совсем как они, европейцы. Но Европа нашим русским европейцам на этот раз, по крайней мере, не поверила. Напротив, в этом случае она, так сказать, совпала в заключениях своих с славянофилами нашими, хотя их не знает вовсе и только разве слышала об них кое-что. Совпадение же именно в том, что и Европа верит, как и славянофилы, что у нас есть “идея”, своя, особенная и не европейская, что Россия может и способна иметь идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, ещё ничего не знает, ибо если б знала, так тотчас же бы успокоилась, даже обрадовалась. Но узнает непременно когда-нибудь, и именно когда наступит самая критическая минута в судьбах её. Но теперь она не верит; признавая за нами идею, она боится её. И наконец, мерзим мы ей, мерзим, даже лично, хотя там и бывают иногда с нами вежливы. Они, например, охотно сознаются, что русская наука может выставить уже несколько замечательных деятелей, представить несколько хороших работ, даже послуживших уже их европейской науке в пользу. Но ни за что, однако же, не поверит теперь Европа, что у нас в России могут родиться не одни только работники в науке (хотя бы и очень талантливые), а и гении, руководители человечества вроде Бэкона, Канта и Аристотеля. Этому они никогда не поверят, ибо в цивилизацию нашу не верят, а нашей грядущей идеи ещё не знают. По-настоящему, они и правы: ибо и впрямь не будет у нас ни Бэкона, ни Ньютона, ни Аристотеля, доколе мы не станем сами на дорогу и не будем духовно самостоятельными. Во всём остальном то же, в наших искусствах, в промышленности: Европа нас готова хвалить, по головке гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себя как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями» (Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя», 1881, январь).

Современная цивилизация сложилась в результате экспансии западноевропейского образа жизни. Католическо-

протестантская Европа навязала человечеству **технологическую потребительскую цивилизацию**. Самые разрушительные в истории идеологические доктрины, революции, терроризм, совершеннейшие средства уничтожения, мания мирового владычества, захлестнувшие человечество, берут начало в старой тихой Европе. Коммунистическая идеология — тоже детище западноевропейской культуры. Ни одна из радикальных идеологических доктрин не была создана в России. Но, когда волна агрессии со стороны советского коммунистического режима обрушилась на Запад, он не захотел признать свою вину в раскрепощении сил разрушения. Самооправдание вынуждало западных политологов видеть источник зла в России. Когда западные либералы разочаровались в *первой в мире стране социализма*, они убедили себя в том, что в советской России всё осуществлено противоположным образом по отношению к задуманному корифеями коммунизма. Утверждается, что в СССР победил не коммунизм, а извечная азиатская деспотия Грозного — Петра — Сталина, сталинщина — это русский национал-большевизм. В середине XIX века Н. Я. Данилевский писал: *«Россия, — не устают кричать на все лады, — колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы. Это одно обвинение. Другое состоит в том, что Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе»*. Советский тоталитаризм, по мнению западных политологов, — закономерный итог «русского деспотизма», экспансионизм СССР — новый этап «русского империализма». Из чего следовало, что бороться необходимо не с коммунизмом, а с русскими.

Антирусскую политику большевиков поддерживали мощные мировые силы, в том числе антикоммунистические. Сталинский **железный занавес** являлся в определённой мере следствием двухвековой политики европеизации России.

В сталинскую эпоху европейские чувства были удовлетворены: *русский медведь* посажен в клетку. Эту клетку можно было называть *социалистическим раем* или *железным занавесом* — и не мучиться угрызениями совести за муки и гибель собратьев по христианской цивилизации. Только неосознанным чувством удовлетворения можно объяснить ликование *лучших людей* Запада от «успехов» советского коммунизма в страшные годы сталинского террора. Запад имел возможность знать всё о происходящем в СССР, но не хотел видеть ничего. Таковую — советскую — Россию многие на Западе впервые и надолго полюбили, пока она не стала угрожать его безопасности. Распространённое на Западе сочетание **русофобии** и **коммунизмофилии** имеет **экзистенциальные** основания. Симпатии к коммунизму и ненависть к России коренились в болезненных комплексах, в тёмном подполье западно-европейской души.

Таким образом, Европа никогда не примет Россию такой, какая она есть, ибо **Россия является цивилизационным соперником Европы**. История взаимоотношений Запада и России — это история европейских попыток насильственно переделать русскую «варварскую» природу или «вымарать» её из истории. Поэтому Запад приговорён всегда поддерживать не только прозападные слои русского общества, но и деструктивные силы в России.

Религиозные корни русофобии

У народов христианской Европы единые духовные корни. Тем не менее вековая конфликтность Западной Европы и России основывается на **различии духа** католическо-протестантской и православной цивилизаций. Наши творческие гении, воспитанные на европейской культуре, видели не только её достижения, но и пороки. *«В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою свою папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суверенные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но ограждённое святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государём, как между человеком и Божеством. Мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением»* (А. С. Пушкин).

Русская православная религиозность отличается от западной католической и протестантской, что усугубило различие русской и европейской души. *«Существеннейшее и драгоценнейшее отличие Православия от Римского католицизма (а потому и от взбунтовавшихся против него детей его — всех протестантских исповеданий) лежит не в догматической сфере, не в обрядовой и не в церковно-организационной, а в сфере **религиозного акта и его строения**... Всё зависит от того, какие силы человека и народа — их души и духа — определяют самое верование, какие силы **главные и первичные** — и какие душевно-духовные силы являются **вторичными и подчинёнными**. Православный человек движим другими первичными силами, чем католик. И в этом главное, неизменное, неизвратимое, определившее русскую душу, её религию и культуру»* (И. А. Ильин).

Религия определяет культуру, жизненный уклад, характер народа. *«Возможность **оправдания делами** есть основное положение всего католицизма. Им доказывается необходимость дел; человек должен творить дела оттого, что делами он оправдывается... Вот почему дела, внешние подвиги, стоят так высоко в католицизме, так*

исключительно господствуют в жизни, им созданной» (Ю. Ф. Самарин). Западноевропейское христианство ориентирует человека на **культ деятельности**, на социальный успех, на внешнюю экспансию, на господство над природой. Русское Православие воспитывает **созерцательность** и **духовную углублённость**, способность любви к Богу и к людям. Макс Вебер писал о том, что западная ментальность характеризуется преобладанием «**целе-рационального**» поведения, в котором главное — результат действия. В православном жизнеощущении преобладает «**ценностно-рациональная**» установка, в которой действия человека оцениваются в соответствии с правильной линией поведения — не по конкретному результату, а в соответствии с традиционными религиозными, этическими, эстетическими и общественными ценностями. И. А. Ильин описывает онтологические характеристики европейской и русской религиозности: «*Вера католика есть акт воли. Личной воли и церковной воли. Больше церковной, чем личной. Потом — акт мысли — личной мысли и церковной мысли. Больше церковной, чем личной. Всё остальное есть в католицизме подчинённое, несущественное, нехарактерное или прямо утраченное. Вера православного есть акт любви. Потом акт созерцания. Созерцающая же любовь есть совесть. Всё остальное в Православии — воля, мысль, дисциплина — имеет значение вторичное и подчиненное. В этом главное различие. Отличие Иоанновского духа не от Павловского, а от не-Иоанновского и против-Иоанновского*».

Генезис европейской религиозности породил её основные тенденции. «*Католик унаследовал свой религиозный акт — от римской, древнеримской культуры, — которая была культурой воли, юридической воли, властной воли, воли к господству над миром. И в то же время культурой мысли, не философской мысли, не разумной мысли, не созерцающей мысли, а мысли отвлечённой, рассудочной, ясной, трезвой, земной, эмпирической. Римлянин дохристианской эпохи был человеком волевой власти, вооружённого господства, трезвой логики, прозаического организаторства. В общем — стихии земной*

и трезвой. Не стихи любви. Стихи юридически-государственной, стихи договора, авторитета, покорения; стихи не совестной; не созерцающей; не любовной. Элемент расчёта и пользы, выгоды и кары, сделки и оружия преобладал здесь над всем и делал **римлянина** наподобие иудея существом жестоковейным и к христианству до крайности не предрасположенным. Этот акт — как национальный акт римского народа — влился иррационально в христиан римской нации — проник в католическую Церковь — определил её ментальность, и веру, и этику, и организацию... Католик верует тогда, когда он решит веровать — и начнёт **заставлять** себя верить. Поэтому неверие — как акт злой воли — было для него всегда преступлением; отсюда наказания безбожников, инквизиция, костры, крестовые походы против еретиков и знаменитый трактат “Молот ведьм”, написанный в 1487 году двумя инквизиторами... Эта книга обнаруживает изумительную логику, прекрасное знание Ветхого и Нового Завета, удивительную зоркость в клиническом описании женской истерии — и даёт систематическое наставление, как надлежит, какими нечеловеческими пытками и муками пытаться от имени Христа и во славу Христа истерически больных женщин. Я готов признать, что она одна из самых цельных, страшных и безбожных книг... Этим актом воли и рассудка определяется и нравственное учение католицизма. С неподражаемым мастерством логики и знания оно изложено в моральных трактатах отцов иезуитов... Все случаи и положения жизненного конфликта предусмотрены здесь и разрешимы с точки зрения их допустимости, греховности и простительности. Здесь есть и ум, и логика, и опыт, и теологическое образование. Но здесь нет ни сердца, ни живого созерцания, ни совести, а потому нет Христа и христианства. Здесь есть искусное разрешение лжи, коварства, порочности и предательства; здесь есть учение о том, что церковная цель оправдывает всё и всяческие средства; но здесь нет ни любви, ни доброты, ни Божией Благодати» (И. А. Ильин).

Достоевский убеждён, что русское Православие ближе к евангельскому Христу, чем католицизм. Герой романа Достоевского в заостренной форме судит о свойствах западного

христианства, которые уводят от подлинного христианского Благовестия: «Католичество — всё равно что вера нехристианская... католичество римское даже хуже самого атеизма... Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идёт дальше: он искажённого Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует... Римский католицизм верует, что без **всемирной государственной власти Церкви** не устоит на земле, и кричит: “Не можем!” ... Римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нём всё подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор всё так и идёт, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, всё променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти от них атеизму? Атеизм от них вышел, из самого римского католичества! Атеизм прежде всего с них самих начался: могли ли они веровать себе сами? Он укрепился от отвержения к ним; он порождение их лжи и бессилия духовного! **Атеизм!** У нас не веруют ещё только сословия исключительные... корень потерявшие; а там, в Европе, уже страшные массы самого народа начинают не веровать, — прежде от тьмы и от лжи, а теперь уже из фанатизма, из ненависти к Церкви и ко христианству!.. Ведь и **социализм** — порождение католичества и католической сущности! Он тоже, как и брат его атеизм, вышел из отчаяния, в противоположность католичеству в смысле нравственном, чтобы заменить собой потерянную нравственную власть религии, чтоб утолить жажду духовную возжаждавшего человечества и спасти его не Христом, а тоже насильем!» Западная Европа породила разрушительные идеологии из-за искажения религиозных основ.

Католичество ориентировано на всеобщее, вселенское (греч. *katholikos* — всеобщий, вселенский) распространение христианства, все народы должны подчиниться наследнику первоапостола Петра — папе римскому. Католики убеждены, что они

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru